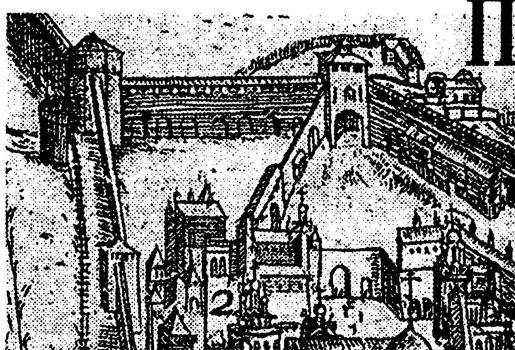

Логика московской путаницы (на материале московской “несказочной” прозы конца XVIII – начала XX в.)

*В восьмистах переулках этого города-путаницы есть
Путинковский переулок (не от него ли все пошло)...*

С. Кржижановский. Московские вывески

Позволю себе продолжить цитату из С. Кржижановского: “Москва – это свалка никак, ни логически, ни перспективно, не связанных ансамблей, домищ, домов и домиков, от подвала по самые кровли набитых никак не связанными учреждениями, квартирами, людьми, живущими врозь, вперебой, мимо друг друга...”¹. Это замечание – common place в суждениях о Москве немосквичей. Оно содержит два разнонаправленных упрека: один – городу как путанице архитектурной, строительной, стилистической, другой – людскому Вавилону. Не ставя перед собой неблагодарную задачу оправдания Москвы, я постараюсь представить логику города, выраженную в его фольклоре, описав сначала пространственную организацию города, ту, которая воссоздается в фольклорных текстах, а затем людские взаимоотношения, то, как общались москвичи (на примере хотя бы двух форм коллективного поведения).

© И.С. Веселова

Логика московской путаницы

А.Ф. Белоусов в лекции “Городской фольклор” отметил, что “основное место в устной словесности города занимает говорение”², поэтому кажется вполне оправданным из общего фонда московского фольклора выделить так называемую “несказочную” прозу (основные свойства которой установка на достоверность и информативная функция) в качестве предмета исследования. Материал ограничен временными рамками. Я использую тексты, зафиксированные в коллекциях фольклористов, мемуарах и бытописаниях конца XVIII – начала XX в., т. е. времени, когда Москва не была “царствующим градом”. В то же время она не была и провинцией (сейчас для Санкт-Петербурга, имеющего столь же неясный статус, применяется определение “вторая столица”). Неясность статуса города отразилась на тематике фольклорной прозы, которая в меньшей степени спровоцирована официальной идеологией и зависит от поло-возрастных, личных, более “естественных” интересов горожан. Соревновательность с “первой” столицей отразилась в ряде сюжетов, основная функция которых – повышение статуса города. Например, среди сюжетов о булочнике Филиппове есть рассказ о том, почему его калачи и сайки выпекались только в Москве:

“Черный хлеб, калачи и сайки ежедневно отправляли в Петербург к царскому двору. Пробовали печь на месте, да не выходило, и старик Филиппов доказывал, что в Петербурге такие калачи и сайки не выйдут.

– Почему же?

– И очень просто! Вода невская не годится!”³.

В жанровом отношении тексты, анализируемые мной, определяются неоднозначно, поэтому я остановлюсь на некоторых типологических характеристиках. Как уже отмечено, преобладание информативной функции свойственно всей представленной группе текстов. С точки зрения структуры нарратива, одна группа текстов (городские легенды, предания, былички) характеризуется как сюжетная, состоящая из цепочки мотивов, другая (слухи, толки) как бессюжетная или с неразвернутым сюжетом (мотивом). Встречаются сюжеты, которые бытуют в текстах разных жанров, например, как предание о проклятом доме и его хозяине – исторической личности и как быличка о нечистой силе. По классификации К.В. Сидова⁴, основанной на различении точки зрения рассказчика, легенды, предания и бывальщины являются “фабулатами” – повествованиями от третьего лица. Это

наиболее привычный и удобный для фольклористики материал. Мною привлекаются и так называемые "разовые" тексты ("мемораты" в терминологии К.В. Сидова, повествования от первого лица), сюжет которых в отличие от фабулатов существует только в репертуаре определенного рассказчика. Тем не менее он может воспроизвестись рассказчиком на протяжении жизни не один раз и далее переходить в семейный или другой общий репертуар, если он удовлетворяет функциональным требованиям традиции. Наиболее типичный пример такого рода текста из городского фольклора — "случай из жизни" (жанровый аналог былички в традиционном фольклоре). Являясь "разовыми", эти тексты, однако, пользуются традиционными мотивами и вариантами построения сюжета. И, наконец, слухи-толки. Они обладают прогностической функцией, неконкретностью источника информации ("говорили", "рассказывают", "ходил слух", или замечательное "...вся Москва про это молчала"⁵ из того же Гиляровского) и точки зрения рассказчика.

Сначала я постараюсь показать, как ориентируются горожане в своем пространстве, какие локусы для них значимы, как происходило "народное картографирование" Москвы. Таким образом, станет явной внутренняя логика города. В фольклорном городском пространстве не бывает "нейтральных" достопримечательностей, все они обозначены или как положительные (чудесные, святые), или как отрицательные, связанные с проделками нечистой силы или с нечеловеческими поступками людей. При анализе текстов с функцией маркировки городского пространства (она может быть доминирующей или дополнительной) учитывалось, каким образом выделяется локус в пространстве, какая из характеристик работает через отнесение к определенной исторической эпохе, через персонажей (в тексте может не быть "героя", а присутствовать историческая личность, положительная или отрицательная оценка которой перенесется на оценку локуса), через произошедшее там событие. Кроме того, отмечалось, выполняет ли текст дополнительные функции, например, рассказ о "чудесном спасении ризницы от воров"⁶ может служить пояснением к монастырскому празднику, или рассказы о "домах с привидениями" обязательно содержат этикетное правило прохожему перейти на противоположную сторону улицы, особенно в ночное время.

Хранителями "достоверных" прозаических текстов выступают коренные жители, во всяком случае, ссылка на услышанное от "старого москвича" служит повышению статуса текста. Однако активнее владеют информацией "неофиты" — люди, переселившиеся в город недавно, или дети, которым необходимо определиться в городе (недаром некоторые из приводимых воспоминаний относятся к детству мемуаристов).

Особую роль в городском ландшафте играли *церкви и монастыри*. Будучи местами "святыми", они обладают заданной "положительной" маркировкой, что и подтверждают многие сюжеты. К их числу относятся церковные предания о "чудесном спасении от воров" ризницы Новодевичьего монастыря ("В морозную декабрьскую ночь очередной дьячок спал глубоким сном в сторожке у передних ворот монастыря. Вдруг чудится ему, что кто-то стучит в окно и велит идти благовестить к заутрене. Он просыпается, выходит во двор, посмотрел на небо: нет, еще слишком рано <...>. Ворча, опять уходит старик спать. "Ступай благовестить", — в третий раз раздается у него в ушах, когда он едва уснул. <...> Вышел из сторожки и идет он стеною и видит через зубы, что по монастырю ходят взад и вперед какие-то люди с фонарями и свечами, что к паперти подъехало много пошевней тройками. Видит что-то недоброе. <...> Таким образом грабители были пойманы. Рассказ этот Погодин слышал от старика, монастырского священника"⁷), о строительстве храма Василия Блаженного на чудесно собранные этим юродивым деньги: "...как наберет полную полу, сейчас бежит на красную площадь, где теперь Василий Блаженный стоит. Прибежит и примется бросать деньги через правое плечо. А они падают — пятак к пятаку, копейка к копейке, три копейки к трем копейкам. Сами по порядку падали"⁸.

Однако, как и в крестьянском фольклоре, в городе существуют сюжеты, в которых православные храмы приобретают отрицательную оценку. Одна из легенд-долгожительниц повествует о появлении "черта на куличиках", а именно о том, как в боярдальне при храме Всех святых на Кулишках (Китай-город) завелся черт, и сюжет его изгнания даже вошел в повествование "Жития митрополита Иллариона": в нищепитательницу патриаршую "по действу некоего чародея вселился демон и живущим тамо различные пакости творяще"⁹.

Отдельно стоят те сюжеты, в которых упоминаются монастыри и храмы, но определяет место не их "святость", а связанная с этим местом историческая фигура. В популярных в начале прошлого века рассказах о людоедке Салтычихе, содержавшейся в яме Ивановского монастыря и "употреблявшей, по общей молве, в пищу женские груди и младенцев"¹⁰ упор делается на "жути", категорически не укладывающейся в человеческие нормы поведения, а монастырь служит только местом заточения, Божьего и людского возмездия. Легенда об ослеплении зодчего храма Василия Блаженного по приказу Ивана Грозного разворачивает два вполне "светских" мотива — утверждение уникальной красоты храма и формирование образа царя — тирана — строителя (этот мотив в Петербурге присутствует во многих легендах о заложении города и Петре I, а в Москве в легендах о участии Сталина в реконструкции и строительстве Москвы): «...Ну, вот, значит и говорит (Иван Грозный. — И.В.): "Хочу церковь Василия Блаженного построить, чтобы на удивление всем была". И приказал отыскать лучшего мастера. Только никто не идет — попрятались, попрятанлись, боятся. Думают — не угодишь, тут тебе и смерть. <...> А только все же выискался один такой мастер. "Я, говорит, могу сделать, только, чтобы ни в чем задержки не было". <...> И строил мастер лет пять, а то и все десять, не знаю, сколько времени строил. А только, действительно, выстроил всем на удивление. Царь остался доволен. "Это хорошо у тебя вышло, говорит, а лучше можешь сделать?" А мастер возьми и бухни: "Могу", — говорит. Тут царь и принялся ругать его. "Ах ты, говорит, сукин сын! Ежели можешь, отчего не сделал?" И приказал отрубить мастеру голову»¹¹.

Слухи также не миновали церковные стены. В Москве существовал старинный обычай распускать невероятные слухи, когда на колокольном заводе начинали лить новый колокол, чтобы он был звонче. Например, Н. Оловяшников в "Истории колоколов" приводит следующий эпизод: "Во время венчания в одной из церквей на Покровке, когда священник повел жениха и невесту вокруг аналоя, брачные венцы сорвались у них с голов, вылетели из окон церковного купола и опустились под наружные кресты, утвержденные на главах церкви... Слух этот настолько был силен в Москве, что к церкви съезжались экипажи в таком количестве, что проходу не было... К этому добавляли, что жених и невеста были родные брат и сестра и что они этого не

знали и что только чудо не допустило до греховного брака"¹². Собственно слух как бы примыкает к повествованию о происшествии, якобы имевшем место в определенной церкви, и имеет дополнительные функции маркировки места и этическую — напоминание о греховности инцестуальной связи. Чаще всего слухи, называемые "колокола лить", были более краткими и служили чем-то вроде ритуального вранья, когда говорящий и слушатель знали, что это ложь, но не подавали виду: «"Сейчас Спасская башня провалилась. Вся! И с часами! Только верхушку видать". Новичок и в самом деле поверит, а настоящий москвич выслушает и виду не подаст, что вранье, не улыбается, а сам еще чинит что-нибудь прибавит»¹³.

Как видно из последнего примера, *башни и городские ворота* также становятся местами, к которым приурочены легенды и предания. Рассказы о чудесах при воротах Кремля относятся к религиозным: монахиня Вознесенского монастыря¹⁴ "ночью, когда усердно молилась Богу об избавлении от бедствия города, внезапно услышала звон колоколов и узрела видение: ей привиделось, будто из Кремля, во Флоровские ворота, выходит целый собор святителей московских <...>; навстречу им явились преподобные Варлаам Хутынский и Сергий Радонежский <...>, и молили их не оставлять отечественного города на жертву врагам. Татары вскоре побежали из пределов московского царства"¹⁵.

С теми же Флоровскими (Спасскими) воротами Кремля и находившимся за ними Вознесенским девичьим монастырем связано и другое повествование-воспоминание коренного москвича, прихожанина церкви Николы Чудотворца в Кленниках:

«Мы вышли на бульвар, и тут я заволновался. Ведь за стеной был Кремль, и рядом не было Поли, чтобы мне пригрозить. Я думал, мы только войдем в ворота и посмотрим на Кремль, а потом пойдем домой.

Мы сошли с бульвара и пошли к воротам. Туда шло много народа, и мы вместе со всеми прошли через них. Я смотрел во все глаза. Где же сверкающие золотые соборы? Никакого Кремля не было. Была толкучка людей, что-то вроде нашей Усманской толкучки, но только в сто раз больше. Кругом сновали, двигались, переходили с места на место люди с разным товаром, вдоль по стене теснились какие-то прилавки, лавочонки, сараичники. Прямо на земле стояли лотки, сидели торговки. <...> Вдруг мне стало страшно. Я захотел назад, домой. Но тут я понял, что не знаю, где я, не знаю, как идти назад и где дом.

Я не заплакал, не закричал... Моя крестная мать, бабушка моя, учila меня: "Саша, если ты заболеешь, если что потеряешься, если сам потеряешься, заблудишься или испугаешься, молись Богу, и Бог тебе поможет".

И я начал молиться. Я все куда-то шел и все молился.
<...>

И тут кто-то наклонился ко мне и сказал: "Дети идите за мной!"

Это была женщина, старая, как моя бабушка. Только бабушка была очень сгорбленная, а она, когда выпрямилась, была худая и высокая. И сказала она так ласково, как говорила бабушка, когда крестила меня на ночь. Голова ее была закутана в черный платок, и этот черный платок падал ей до ног и закрывал ее всю. Она еще раз оглянулась на меня и пошла вперед, налево, туда, куда с громом и грохотом катились ломовые. А я, как она велела, пошел за ней. Мой испуг прошел... Она шла не рядом с нами, а впереди шага на четыре, но я все время ее видел... Стоило мне посмотреть вперед, и я ее видел, видел всегда, как она шла, как она иногда поворачивала голову и взглядывала на нас. Она была точно выше всех, точно шла надо всеми...

Я так все разглядывал, что не заметил бы улицу, уходящую налево, но я вдруг остановился. А где же?.. Я не видел больше ее черного платка. Ее не было там, впереди, передо мной. И я услышал ее голос: "Теперь ты знаешь, где ты и найдешь свой дом". Она говорила очень тихо, как бы откуда-то издалека. И где была она, я не видел. А может быть, я уже и не думал о ней. Все, что только что было со мной, все забылось от той безудержной радости, которая меня охватила сейчас, потому что, когда я смотрел кругом себя, я все узнавал... Это были наши Садовники... В каком же я был восторге, что теперь кругом опять все свое, что я все могу узнавать и называть. Вот красная церковь, где на стене образ во всю стену за стеклом¹⁶. Здесь был нарисован большой белый конь, и на коне Георгий Победоносец, который бил копьем прямо в красный язык змея. А вот дом, где я родился... Дальше вбок по переулочку была церковь Николы Заяницкого... Мы пришли.

Дома я ничего не сказал. Сережа тоже молчал.

...Когда, заблудившись в переулках Китай-города, я остановился на углу Средних рядов, то, конечно, в своем испуге и смятении я не подозревал, что стою перед моим желанным Кремлем. Я не вошел в него, но туда вошла моя молитва. И в Вознесенском монастыре у Спасских ворот святая и преподобная Евфросиния, великая Московская¹⁷, встала из своей пречистой

раки и явилась ребенку, и путеводила мне, и привела меня домой. Так я знаю. Так я верю»¹⁸.

По жанру этот текст можно отнести к "слушаю из жизни", причем в данном конкретном случае он является личным переживанием религиозного чуда, для рассказчика основной целью является утверждение правила в сложных ситуациях обращаться к молитве, утверждение силы молитвы и явления по ней для помощи московской святой. В тексте очевидно деление на две части: повествование о произошедшем и его интерпретация в традиции рассказов о чудесах. Рассказ интересен прежде всего тем, что он раскрывает тему путаницы, блуждания в бесчисленных московских переулках, освоения — называния пространства. Этот рассказ как никакой другой показывает значение личных переживаний в постижении Москвы, сопротивляющейся геометрии и счету.

Самым заметным московским ориентиром была и остается колокольня "Ивана Великого". Интересно, что в "Рассказах бабушки" — книге воспоминаний коренной москвички Е.П. Языковой, жившей в XVIII – XIX вв., — рассказ о "Иване Великом" и Бонапарте стоит в ряду с рассказами о судьбе близких родственников во время Отечественной войны 1812 г. Предание повествует о том, что Бонапарт, которого уверили, что крест на "Иване Великом" из чистого золота, приказал снять его. Ни один из солдатов его армии не осмелился подняться на такую высоту. Тогда сторговались с «каким-то русским пьяничугой за 100 рублей. Тот снял крест, за что получил деньги и отповедь Бонапарта: "... Ты русский, ты сторговался за сто руб. подвергнуть свою жизнь опасности, стало, тебе жизнь не дорога. Ты снял крест с своей церкви, чтоб отдать врагу, стало быть ты изменник. Я изменников ненавижу и нахожу, что они недостойны жить". И тут же тотчас молодца и расстреляли, и хорошо сделали: поделом вору и мука»¹⁹.

"Невестой Ивана Великого" прозвали в народе Сухареву башню, в которой, по преданию, обитал колдун Брюс, оставил в ней свою знаменитую книгу предсказаний. "Он мог посредством этой книги узнать, что находится на любом месте в земле, мог сказать, у кого что где спрятано... Книгу эту достать нельзя: она никому в руки не дается и находится в таинственной комнате, куда никто не решается войти"²⁰.

То, что москвичам всегда было интересно, что находится “на любом месте в земле”, свидетельствует стойкая аура таинственности над *московскими подземельями*. Это и знаменитая библиотека Ивана Грозного, и клады в подземных ходах²¹, и подземные застенки-пыточные в зданиях Тайной экспедиции в XIX в., и страшные подвалы Лубянки XX-го, и загнанная в трубы река Неглинка, которая была, по мнению многих, тайным кладбищем. В путешествии Гиляровского с провожатым по ее подземному речному руслу «что-то все время скользило под ногами. Об этом боязно было думать. А Федю все-таки прорвало: “Верно говорю: по людям ходим”»²². По наследству таинственность перешла и в московское метро.

Интересно, что в текстах, действия которых разворачивались в *тюрьмах*, отрицательное значениенейтрализуется или даже переходит в положительное – например, в бытовавших в прошлом веке рассказах о дезертире Ланцове, который уплыл из Бутырок на нарисованной на полу камеры лодке²³. В XX веке этот сюжет воплотился в рассказах о заключенном архитекторе, который улетел со строящегося Главного здания МГУ посредством сооруженных крыльев²⁴. В подобных сюжетах и рассказах о разбойниках, промышлявших на *пригородных дорогах*, обозначение и оценка конкретного места являются второстепенными по отношению к повествованию о герое. Похождения одного из знаменитых московских разбойников приводят Пыляев: “Про Веревкина, например, расскажут и покажут место, где он остановил многолюдную свиту богатого рязанского помещика Волынского и взял у него все, оставив ему только по расчету, сколько нужно было на проезд, на молебен и на свечу к чудотворной иконе... Про этого Веревкина много рассказывали небылиц, так его, например, неоднократно окружала военная команда; но Веревкин выпивал заветный ковш вина и сам исчезал в том же ковше... Долго и никогда, может быть, Веревкин не попался бы, если бы не изменила ему женщина”²⁵.

Таким образом, в зону, освоенную городским фольклором, входят и ближайшие пригороды. Отдельную группу сюжетов составляют рассказы о реликтовых растениях и животных, растущих и обитающих в *парках* и *усадьбах*: дубах Петра I в Петровско-Разумовском, аллее Алексея Михайловича в Измайлово, шунке, осетре и карпе, окольцованных при Екатерине Великой и выловленных в царицынских прудах²⁶. Обычно древность их свя-

зываются со значимой исторической личностью, и реликты служат медиатором времени, его воплощением. Сама печать древности и исторической личности положительно маркирует это место. Эти сюжеты в ХХ в. нашли свое применение в экскурсионных программах.

С городскими домами, в основном, связываются проделки нечистой силы, появление привидений, “черных” и “белых” фигур. Естественно, эти дома как-либо выделяются среди остальных. Чаще всего это заброшенные или долгое время пустовавшие дома: “...в середине прошлого века поселилась во дворце Белосельских-Белозерских старая княгиня, <...> заперев парадные покои. Дворец погрузился в тихий мрак”, “...по другую сторону Тверской стоял за решеткой пустовавший огромный дом, выстроенный еще при Екатерине II, <...>. Дом стоял с выбитыми окнами и провалившейся крышей. <...> А тогда в нем жили... черти”²⁷. “Давно знаю этот домина, лет 30: все пустует, все порожняком стоит. Никто жить в нем не хочет от беспокойства... Покою нет”²⁸. В прошлом веке дома с масонскими знаками привлекали внимание так же, как и заброшенные здания – “в шестидесятых годах на Мясницкой улице, напротив почтамта, в доме бывшем Кусовникова, существовал целый ряд комнат со всеми атрибутами и украшениями прежнего масонства <...>. Оригиналы-старики прожили в доме более пятидесяти лет, ни разу не переступив порога таинственных и страшных комнат”²⁹, “...в мезонине соллогубовского особняка почему-то жил поэт Рукавишников <...>. Он рассказывал историю этого дома и уверял, что в нем водятся привидения, что в стенах какие-то тайные ходы... Последний владелец дома был масоном. Еще при нас сохранились две комнаты, выкрашенные в черный цвет, на потолке были белые звезды”³⁰. Дома с привидениями, чертями и “белыми” и “черными” дамами или становились местами кровавых драм (в этом случае рассказы о них являются сюжетными повествованиями, которые могут классифицироваться как городские предания или бывальщины), или самоценными хранилищами нечиисти, которые стоило, крестясь, обходить стороной (тогда за краткостью тексты о них можно определить как былички или даже слухи-толки).

Еще один пласт сюжетов назовем “градостроительные” легенды. Ядром такого типа сюжетов является мотив строительства и уже упоминавшийся персонаж “царь-строитель”, и их

функцией можно считать освоение традицией нового городского объекта. Бытование этих легенд зависит от статуса города, во всяком случае, пропорции записанных текстов в Москве – Санкт-Петербурге зависят от времени перемещения столицы из города в город. Для Москвы дореволюционной это сюжеты, связанные с Иваном Грозным, – строительство кремлевских стен («Эти стены кремлевские Иван Грозный построил. Погнал из деревень народу множество, может, тысяч двадцать. «Чтобы, говорит, в один месяц было все готово». Ну, стал работать народ. А платил царь каждому человеку по пятнадцати копеек в день, а какие это деньги? На них рабочий человек сыт не будет. И много тут народа от голода помирало <...> Но, все же к сроку кончили. А царь только посмеивается. «Иной бы, говорит, эти стены три года строил, а у меня в месяц готово». Вот и недаром старые люди говорят: «Кремлевские стены на костях человеческих стоят». Так оно и есть»³¹) и собора Василия Блаженного. В Москве советской подобные сюжеты связаны с именем Сталина и грандиозным планом реконструкции Москвы: асимметричный фасад гостиницы «Москва», профиль Троцкого в складках скульптуры «Рабочий и колхозница». Невероятные темпы строительства в Москве в последние годы стали предметом для современных баков мэре, построенных по этой продуктивной модели.

Представленные тексты городского фольклора выполняют более или менее четко выраженную функцию урегулирования отношений между горожанами и городским пространством. Закономерно, что являясь элементами общегородского знания, легенды, предания, былички имеют конкретную пространственную привязку, помогая человеку ориентироваться на местности. Среди локусов, активно осваеваемых московским фольклором, многочисленные монастыри и храмы, подземелья, башни и ворота, парки и дороги, заброшенные и опустевшие дома. Нетрудно заметить, что все эти точки пространства являются или территориально (ворота, башни, дороги, подземелья), или социально-пограничными (храмы, монастыри, тюрьмы, заброшенные дома). Лабиринты переулков, стен и площадей оборачиваются несложным для распутывания клубком, если знать внутригородские «маяки» и границы. По сравнению, например, с регулярностью Санкт-Петербурга, Москва организует свое пространство не по планам и соображениям эстетической и другой целесообразности, а изнутри – по меткам интересного, опасного для каждого

в отдельности, по соображениям человеческой необходимости. Будучи и официальной, и культурной столицей, Петербург создавал свой миф во многом при помощи литературы, искусства³². Москва же использовала более «интимные» сюжеты. Итак, «свалка домиш, домов и домиков» оказывается своего рода порядком, где постройки и ландшафты расположены не в «строгом и стройном» ритме, а переплетены с изнанки «исторически сложившимися» связями. Путаница архитектурная находится в прямой зависимости от человеческих интересов и отношений, которые, по мнению сторонних наблюдателей, представляют неразбериху.

С одной стороны, городской повествовательный фольклор рассказывает о достопримечательных местах, с другой – сфера его бытования имеет некоторые точки концентрации в пространстве. Это те места, где преимущественно рассказываются истории. Попробую выявить эти точки, чтобы обозначить формы общения москвичей. В русской культуре, кроме сословного деления общества до начала ХХ в., оставались четкими границы основных половозрастных групп:

- незамужняя-неженатая молодежь,
- женатые мужчины, пожилые мужчины,
- замужние женщины, пожилые женщины.

Существовали, правда, как и во всяком обществе, маргинальные и лиминальные группы, личности – нищие, солдаты, монахи, заключенные, т. е. те самые, места обитания которых отмечались в городском пространстве. Возможности и условия общения внутри и между этими группами также были регламентированы (иногда негласно, но строго) традицией. Это касалось возможных мест встреч, одежду участников общения, тем разговоров и, если остановиться на вербальных формах, речевых жанров, сюжетов, ролей. Мне хотелось бы представить две формы коллективного общения неаристократической части городской публики: мужскую в *трактире* (куда не пускались женщины и солдаты), женскую *дома и при церкви*.

Трактиры можно назвать самыми «мужскими» местами в городе в прошлом и начале нынешнего века. Общеизвестно, что туда не пускали женщин, исключение составляли только «свои» женщины, которые обслуживали посетителей в отдельных кабинетах, и в общие залы их не допускали. Московский бытописатель П.И. Богатырев напоминает, что «...трактиры посещали

только мужчины, а женщины устраивали у себя дома вечеринки в подходящее для этого время”³³. Как же проводили время мужчины в трактирах? Во-первых, они там ели, и ели так, что становились персонажами сообщений на странице “Происшествия” в газетах, где сообщалось, что купцы 1-й и 2-й гильдий съели на спор по полтораста блинов и скропостижно скончались³⁴, или фельетонов; во-вторых, деловые люди, купцы, подьячие, промышленники, издатели совершали там сделки; в-третьих, проводили время за питием чая, горячительных напитков и “мужским разговором”. «Как только отпирали лавки, соседи собирались в ряду кучками и сообщали разные новости, а то так просто рассказывали друг другу, как кто вчера провел время. Такие соседские беседы назывались “ческой” — продолжать ее шли компанией в трактир, где за чаем сидели два-три часа. Затем уходили в свои лавки. Побыв в них недолго, собирались кучками и опять уходили в трактир», — вспоминает один из мемуаристов³⁵.

Таким образом, трактир удовлетворял практически все мужские потребности: и в деловой активности, и в еде, и в обществе. Так же как и трактирный этикет и даже календарная обрядность³⁶, существовал целый пласт тем и сюжетов, бытовавших именно в “мужских домах”.

Прежде всего этикет регулировал отношения между служащими и публикой: при общем правиле “разговаривать с посетителями внимательно, с серьезным лицом, как бы слегка согнувшись для поклона”³⁷ во многих воспоминаниях приводятся факты того, что почтенные трактирщики и половые (метрдотели) имели право на свою “гордость” («чисто купеческой привычкой насмехаться и глумиться над беззащитными некоторые половые умело пользовались. Они притворялись оскорбленными и выуживали “на чай”»³⁸). Некоторые трактирные фокусы с обсчетом входили в поговорку и, как ни странно, не вызывали негодования со стороны обсчитываемого. Например, московская поговорка “Ты мне Петра Кириллыча не заправляй!” увековечила имя полового московского Егоровского трактира. Тот умел так облапошить посетителя, что товарищи-половые учились у него мастерству: “С вас-с... вот, извольте видеть. По рюмочке три рюмочки, по гривенничку три гривенничка — тридцать, три пирожка по гривенничку три гривенничка — тридцать, три рюмочки тридцать. Папиросок не изволили спрашивать? Два рубля

тридцать”³⁹. Подобная бессмыслица имела место не только в целях обсчета. М.И. Пыляев, описывая быт и привычки купечества, отмечал, что “купцы за особое качество ума считали бестолковость в разговорах: речь их иногда делалась совсем непонятной от излюбленной пословицы, которую они употребляли без всякой надобности, почти через несколько слов...”, чтобы «тем дать знать, что он, как говорится, “сам себе на уме”»⁴⁰. Общаясь при помощи нанизывания клише на несуществующую нить смысла, купец создавал иллюзию длительного и обстоятельного монолога. Кстати, это еще одно воплощение путаницы — словесная бессмыслица. Доведенный до максимума абсурд в разговоре свидетельствует об “оригинальности” мышления купца.

Особый сюжет в трактирной прозе составляли рассказы о трактирщиках-разбойниках, грабивших пьяненьких посетителей. О московском рестораторе И.А. Скалкине ходило очень много баек. Говорили: “Пьяным гостям — отец родной. Раздeneт, разует, причешет, спать уложит, с фонарем, чтоб не темно идти было, домой проводит. Благодетель московский. Ему, говоривают, да приставу нашему — памятники, как Пушкинам, на бульварах поставят, ждут, когда оба помрут!”⁴¹. Также входили в легенды трактирные, а позднее ресторанные кутежи купчиков. В знаменитом “Эрмитаже” “из кабинетов особенно славился красный, в котором московские прожигатели жизни ученицу свинью у клоуна Танти съели”⁴² за 2000 рублей.

По воспоминаниям московского купца И.А. Слонова, в подвале трактира Бубнова, в так называемой “бубновской дыре” «эти “траглодиты” (имеются в виду гостино-дворянские купцы. — И.В.) без воздуха и света чувствовали себя прекрасно, потому что за отсутствием женщин там можно было говорить, петь, ругаться и кричать громко и откровенно о самых интимных и щекотливых предметах»⁴³. То, что в литературоведении называется порнографией и считается специфически мужским жанром⁴⁴, с точки зрения антропологии можно рассматривать как часть мужского обряда посвящения и вообще как способ мужской идентификации. Поэтому вполне закономерно, что весьма частым аттракционом в трактире-ресторане было “купание в шампанском”, которое требовало «ваннны, в которой должна была “плавать” среди волн вина какая-либо лышенная покровов женщина... но и этим озорничанием, — по выражению полового Па-

влова, не ограничивалась фантазия организаторов. Были и другие, о которых неуместно говорить в печати»⁴⁵.

Поскольку трактиры и чайные предпочитали иметь свою публику, то в одних собирались купцы-гостиинодворцы, в других издатели лубочной литературы (трактир Колгушкина на Лубянской площади) или антикварии (трактир «Сокол» у Цветного бульвара, где «около пузатого раскаленного чайника велись бесконечные беседы о всякого рода диковинных вещах, чаще же всего о приключениях во время поездок в провинцию»⁴⁶).

В своем собрании московских легенд фольклорист Е. Баранов дает очень ценную информацию о контексте рассказа и о рассказчике: «собирая в Москве, по таким модным местам, как трактиры и харчевни, произведения устного народного творчества, я, в силу необходимости, избегаю делать дословные записи их, так как, в противном случае, вокруг меня создалась бы атмосфера подозрительности и недоверия, и меня стали бы сторониться, как зачумленного»⁴⁷. Один из рассказчиков, 79-летний старик Кадушкин «за чаем в харчевне просиживал, когда не было работы, часа три и, угрюмо насупив густые черные с проседью брови, выдувал 5–6 чайников чаю, т. е. 30–35 стаканов, и уже после такой порции принимался за щи»⁴⁸.

В «трактирной» прозе и языке можно обозначить несколько особенностей: словесный этикет, регулирующий отношения между обслужкой и клиентами, темы и характер бесед самих посетителей – профессиональные интересы и события, обсуждение «щекотливых» предметов, причем, как можно громче, рассказы о своих и чужих подвигах на почве кутежей. Хаос и распущенность трактирных нравов оборачивается принятым завсегдатаями порядком.

Представленные типы «мужского» речевого поведения (скабрезные рассказы, торговые байки, городские предания) дают основание предположить, что основной единицей коммуникации служит «рассказ», сюжетное повествование, а главными темами – кутежи, любовные похождения, профессиональные интересы. Стереотип «мужского разговора» поддерживается в культуре отрицательным отношением участников к «женской логике» в повествовании и жизни. Тот самый старик Кадушкин высказывал весьма характерное для дальнейших изысканий отношение к женским рассказам: «Как примутся плести... Особенно бабы –

сороки эти. Они тебе настрекочат, только слушай. И откуда что берется. Сорочья порода. Только бы язык чесать»⁴⁹.

Далее я представляю круг тем, которые интересовали москвичек, и то, как и где они их обсуждали. Одной из важных сторон женской жизни были религиозные переживания. Именно женщинами во многом поддерживалось в доме соблюдение церковных правил и ритуалов. В купеческих староверческих семьях, по воспоминаниям очевидца, «женщины никому не прощали нарушения заветов старины, и ими, только ими и держалась дикая косность». Поэтому разговоры частенько велись, например, о пророках и юродивых, которых И.Г. Прыжов поставил в один ряд с дурами и дураками. В начале прошлого века был известен пророк, позднее канонизированный как местночтимый святой Иван Яковлевич Корейша (могила в Храме Илии Пророка в Черкизово), основную часть его почитателей составляли женщины, которых он врачевал различными способами: «девушек сажает к себе на колени и вертит их; пожилых женщин обливает и обмазывает разными мерзостями, заворачивает им платье, дерется и ругается, без сомнения, придавая тому и другому символическое значение»⁵⁰; и предсказывал будущее – «предсказания его и записочки всегда загадочны до отсутствия всякого смысла; в них можно видеть все и ничего не видеть, а потому, объясняемые с известной целью, они постоянно сбываются»⁵¹. Объясняли записочки сами женщины: так, на вопрос богатой купчихи из Рогожской о предстоящей помолвке дочери был ответ «Доски», купчиха недоумевала, «А мы отвечаем ей, – говорила... рассказчица, – что не знаем, а сами думаем: как не знать, известно, что значит «доска» – гроб. Так ведь и сделалось: дочь-то у купчихи умерла»⁵². Эта ипостась вербальной путаницы разворачивается в диалоге, когда бессмыслица a priori имеет глубокий символический смысл и требует умение ее интерпретации.

Среди женщин также ходили рассказы о чудесном исцелении Иваном Яковлевичем безнадежно больных, об удачном устройстве им свадьбы или, наоборот, о предусмотрительном отказе в благословении брака с нечестным женихом и т. д.

Были и другие, менее почитаемые юродивые. Хотьковская затворница Марфа Герасимовна выходила из затвора чрезвычайно редко, но каждое ее появление истолковывалось как предвестие беды. Среди окрестных женщин начинался переполох: «и вот одна слышала звон на колокольне в полночь, другая сказа-

ла, что идет антихрист, пышет пламя из него и все-то попалят”⁵³. Когда же Марфа Герасимовна опять уходила в затвор, садилась у своего окошечка, плела кружево и предсказывала, “Снова толпы купчих и барынь теснятся у ее окошечка, ожидая ее по часу или по два... пришли и приехали они к ней просить благословения на брак дочери и получить знамение, то есть кружевца”⁵⁴.

Каждое действие юродивой или пророка истолковывалось и обсуждалось сначала на месте, потом в кругу домашних и соседок. По наблюдениям лингвистов “женщины склонны к кооперативной беседе, в связи с чем задают больше вопросов и высказывают больше реплик-реакций, чем мужчины”⁵⁵. Свои личные религиозные переживания женщины тоже прежде всего обсуждали в домашней обстановке. В подтверждение приведу следующий эпизод из уже упоминавшихся “Рассказов бабушки”:

«В то время как сестры гостили у меня, однажды утром сестра Анна Петровна и говорит мне:

— Сегодня я видела во сне, что кто-то говорит мне: “Вот и 1812-й год, а ты еще не в монастыре”.

— Это потому, что ты думаешь об монастыре, оттого тебе про это и снится, — говорю я ей.

— Нет, сестра, это опять мне напоминание.

Надобно сказать, что она еще в 1811 году видела во сне страшный суд, и тогда это ее очень поразило, и она положила идти в монастырь. Во время неприятеля она опять подтвердила свое обещание, что, ежели Господь всех нас помилует от погибели, непременно вступит в монашество: и тут вскоре она этот сон-то и увидела”⁵⁶.

Обычное посещение приходской церкви давало мещанкам и купчихам пищу для обсуждения: “посещение церкви имело не только смысл религиозный, но служило и к поддержанию общественного инстинкта, давая возможность видеться с соседями, перекинуться словечком со знакомыми, узнать местную новость, а дамам, кроме того, рассмотреть или показать новый покрой мантилы или модного цвета платье... Всякое мелочное наблюдение было ценно и давало материал для расспросов и разговоров”⁵⁷. Участницами разговоров были дамы замужние, поскольку девушки в семьях “с укладом” не имели права голоса во всех делах, кроме подготовки приданого и мечтаний о суженом. На семейных праздниках также заправляли женщины. Главную роль на крестинах, свадьбах, похоронах чаще всего играла по-

жилая женщина, ведущая обряд: “говорила она иносказательно и все больше текстами; на купеческих свадьбах и поминках играла первую роль и садилась за стол с духовенством”⁵⁸.

При наличии общего репертуара фольклорных текстов в городе — церковных легенд или преданий о домах с привидениями, которые каждый уважающий себя горожанин обойдет стороной, существовали специфически “мужские” и “женские” тексты. Различие касалось тем и сюжетов, формы бытования и особенностей построения речи. Как было показано, мужское высказывание стремится к сюжету, повествованию, монологу, женское — к диалогу⁵⁹, обсуждению, обмену репликами. Основными темами женских бесед были предзнаменования, чудеса, устройства судьбы дочерей, т. е. их замужества, чудесные исцеления, моды и роды, болезни и смерти. “Женский разговор” как речевая конструкция состоит по большей части не из сюжетных высказываний, а чередований утверждений — сообщение одной требовало истолкования собеседницей, наблюдение — обсуждения, предсказания — расшифровки.

Представленные варианты “мужского” и “женского” текстов из московской жизни XVIII — начало XX в. с точки зрения стороннего наблюдателя действительно часто кажутся бессмысленными, недостоверными (в лучшем случае “иносказательными”). Тем не менее внутри традиции или субкультуры определены сферы бытования, способы интерпретации этих текстов, в которых носителями они воспринимаются (или должны восприниматься) как достоверные (слухи “колокола лить”), имеющие символический смысл (предсказания, истолкования и ведение обряда). Возможность *путаницы-бессмыслицы-заблуждения* возникает при разнице точек зрения, позиции наблюдателя сознательно отстраненной, не принимающей “правил игры”. Пространственная путаница возникает при незнании ориентиров, социальная — из-за неразличения границ между отдельными группами и субкультурами общества и незнания этикета, вербальная — при недоступности кода расшифровки текста. Важную роль устранения путаницы выполняет городской повествовательный фольклор. “Московский текст” дает способ распутывания — вживление в город, связывание своих мест-меток с личными маршрутами человека⁶⁰. Обобщая, можно сказать, что “московский текст” представляет собой путаницу для внешнего наблюдателя и комфортную среду для “своих”, ему свойственны диа-

логичность, интимность, эмоциональность и самоперебивы, т. е. качества женской речи. Похоже, что давнишние разговоры о "женственности" Москвы не лишены основания и бытие Москвы как "социального организма" (термин Н.П. Анциферова) подчинено законам "женской логики".

П р и м е ч а н и я

- ¹ Кржижановский С. Штемпель: Москва // Кржижановский С. Воспоминания о будущем: Избранные из неизданного. М., 1989. С. 272.
- ² Белоусов А.Ф. Городской фольклор: Лекция для студентов-заочников. Таллинн, 1987. С. 19.
- ³ Гиляровский В.А. Москва и москвичи. Минск, 1980. С. 132.
- ⁴ Sydow von C.W. Kategorien der Prosa-Volksdichtung // Volkskundeliche Gaben John Meier zum 70. Geburtstage dargebracht. Berlin; Leipzig, 1939. А также: Sydow C.W. Selected papers of folklore. Copenhagen, 1948.
- ⁵ Гиляровский В.Я. Указ. соч. С. 122.
- ⁶ Пыляев М.И. Старая Москва. М., 1995. С. 310.
- ⁷ Там же. С. 311–312.
- ⁸ Баранов Е.З. Московские легенды. М., 1928. Вып. 1. С. 27.
- ⁹ Виноградов И.В. Указ: иллюстрированное повествование о нечистой силе. М.: Редакция журнала "Вокруг света"; "Мистерия", 1995.
- ¹⁰ Пыляев М.И. Старая Москва. С. 74.
- ¹¹ Баранов Е.З. Указ. соч. С. 25–26.
- ¹² Оловяшников Н. История колоколов. М., 1912. С. 375–377. Цит. по: Ашукин Н.С., Ожегов С.И., Филиппов В.А. Словарь к письмам А.Н. Островского. М., 1993. С. 88.
- ¹³ Гиляровский В.А. Указ. соч. С. 41–42.
- ¹⁴ Вознесенский женский монастырь находился в Кремле с правой стороны от Спасских ворот и назывался Стародевичиным.
- ¹⁵ Пыляев М.И. Старая Москва. С. 411.
- ¹⁶ Церковь Великомученика Георгия, что в Яндово.
- ¹⁷ Преподобная Евфросиния (+ 1407, в миру Евдокия) – вдова благоверного великого князя Дмитрия Донского, принявшая неиздолго до своей кончины монашеский постриг. В 1393 г. основала Вознесенский девичий монастырь в Москве, где под спудом почивали ее мощи.
- ¹⁸ Добровольский А.А. Воспоминания // Московский приходской сборник. Вып. 1: Храм Николая Чудотворца в Кленниках. Издание "Московского журнала". М., 1991. С. 153–157.
- ¹⁹ Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 133.
- ²⁰ Московская старина: Воспоминания москвичей прошлого столетия. М., 1989. С. 115.

Логика московской путаницы

- ²¹ Для изучения подземных ходов в начале XX в. была создана Комиссия по изучению подземной стариной, первыми выводами которой были: "Подземные сооружения древности были фамильной или государственной тайной, и сведения о них в документы не заносились. Начали собирать предания, легенды, слухи и проверять их" (Белоусова Т. Москва подземная // Столица. 1991. № 37. С. 50.)
- ²² Гиляровский В.А. Указ. соч. С. 58.
- ²³ Богатырев П.И. Московская старина // Московская старина. М., 1989. С. 122.
- ²⁴ Гуржий Т., Сатыренко А. Легенды и мифы Москвы. М., 1997. С. 176.
- ²⁵ Пыляев М. Старая Москва. С. 458.
- ²⁶ Там же. С. 220, 227, 252.
- ²⁷ Гиляровский В.А. Указ. соч. С. 178.
- ²⁸ Баранов Е.З. Указ. соч. С. 20.
- ²⁹ Пыляев М.И. Старая Москва С. 92.
- ³⁰ Евстигнеева А.Л. Особняк на Поварской: из истории Московского Дворца искусства // Встречи с прошлым: Сборник материалов ЦГАЛИ. М., 1996. Вып. 8. С. 122.
- ³¹ Баранов Е.З. Указ. соч. С. 23–24.
- ³² Дело, видимо, не столько в лучшей изученности санкт-петербургского текста (фольклорного в том числе), но и в заметности, активности фольклорных сюжетов. См: Синдаловский Н. Санкт-Петербургский фольклор. СПб., 1995.
- ³³ Богатырев П.И. Указ. соч. С. 166.
- ³⁴ Шнейдер И. Записки старого москвича. М., 1970. С. 80.
- ³⁵ Слонов И.А. Из жизни торговой Москвы // Московская старина. С. 238.
- ³⁶ Московские трактиры отмечали Масленицу как профессиональный праздник. Половые во всех московских трактирах подносили посетителям поздравительную карточку со стихами и рисунком на масленичный сюжет, в стихах содержалось напоминание о самих служителях:

Все служители мы рады,
Что вам весело сейчас,
И, конечно, уж награды
Вам не жаль теперь для нас.

- ³⁷ Белоусов И.А. Уинединая Москва // Московская старина. С. 366.
- ³⁸ Иванов Е.П. Меткое московское слово: Быт и речь старой Москвы. М., 1985. С. 293.
- ³⁹ Там же. С. 110.
- ⁴⁰ Пыляев М.И. Старый Петербург. М., 1990. С. 339.
- ⁴¹ Записано в 1914 г. от встреченного в Москве рестораторного официанта. (Иванов Е.П. Указ. соч. С. 296).
- ⁴² Гиляровский В.А. Указ. соч. С. 103.
- ⁴³ Слонов И.А. Указ. соч. С. 231.

- ⁴⁴ Кузнецов С. Литературная порнография: памяти умирающего жанра // НЛО. 1996. № 22. С. 428.
- ⁴⁵ Иванов Е.П. Указ. соч. С. 288.
- ⁴⁶ Там же. С. 110.
- ⁴⁷ Баранов Е.З. Указ. соч. С. 39.
- ⁴⁸ Там же. С. 12.
- ⁴⁹ Там же. С. 11.
- ⁵⁰ Пряжков И.Г. 26 московских пророков, юродивых, дур и дураков и другие труды по русской истории и этнографии. СПб.; М., 1996. С. 34.
- ⁵¹ Там же. С. 35.
- ⁵² Там же. С. 44.
- ⁵³ Там же. С. 65.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993. С. 134.
- ⁵⁶ Рассказы бабушки. С. 135.
- ⁵⁷ Вишняков Н.П. Из купеческой жизни // Московская старина. С. 281.
- ⁵⁸ Пыляев М.И. Старый Петербург. С. 350.
- ⁵⁹ Наблюдения над употреблением слов "разговор", "беседа" и "диалог" представлены в статье И.Б. Левонтиной "Время для частных бесед". См.: Логический анализ языка: Язык речевых действий. М., 1994.
- ⁶⁰ Любопытно, что в Москве практически нет публичного променада (в XIX в. он был на Тверском бульваре), как, например, Невский проспект в Петербурге. Попытка его создания — строящийся комплекс на Манежной площади и декорация с Неглинной в Александровском саду.